



Роль эмоций во внешней политике Европейского союза

 Л.В. Дериглазова

Институт Европы РАН

Статья анализирует исследования роли эмоций во внешней политике Европейского союза. Аффективный поворот в социальных науках произошёл в 1950-е гг., что означало изучение эмоциональной составляющей поведения людей, выявление и признание роли культуры и социального контекста в формировании эмоциональных норм. В 2000-е гг. произошёл схожий «эмоциональный поворот» в исследованиях внешней политики и международных отношений. Целью статьи является обзор научных публикаций, в которых внешняя политика ЕС рассматривается через призму эмоций, и сопоставление выводов этих исследований с результатами массовых опросов общественного мнения в странах ЕС. Сопоставление имеет практическую ценность для аналитики, так как помогает ответить на вопрос: могут ли коллективные эмоции быть предиктором внешнеполитических решений?

Анализ публикаций позволил сделать несколько выводов. Исследователи изучают не собственно эмоции, а нормы и ожидаемые эмоциональные отклики в ответ на нарушение нормы. Эмоции играют важную роль в формировании норм на уровне ЕС, интерпретации их содержания и обязательности выполнения. Политика ЕС направлена на формирование *наднационального эмоционального сообщества (эмоционального режима)* с конституированием единообразного понимания норм, их важности и необходимости коллективного действия в случае нарушения. Изучение эмоций в отношении некоторых вооружённых конфликтов показывает отсутствие единого понимания норм и необходимости реагирования на их нарушение, и наличие иерархии норм и ограничений на согласованные действия. Этот вывод подтверждается исследованиями и результатами опросов общественного мнения. Национальные элиты и институты ЕС должны учитывать, что представляется приоритетным – предупреждение геноцида и помощь жертвам вооружённых конфликтов или благополучие и безопасность жителей ЕС, и их готовность (или не готовность) поддерживать общеевропейскую внешнюю политику и платить за неё.

Политика страха и чувство небезопасности оказывают влияние на формирование общеевропейского консенсуса на национальном и наднациональном уровнях в ЕС о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов и поддержки силовой составляющей европейской интеграции. Мониторинг результатов опросов общественного мнения в странах ЕС помогает прогнозировать возможность изменения политики ЕС в соответствии с коллективными настроениями и отношениями населения разных стран.

УДК: 327.061.1EU:159.9

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 15.04.2026

Ключевые слова: эмоциональные нормы, эмоциональный режим, наднациональное эмоциональное сообщество, Европейский союз, нормативная сила, внешняя политика, нормативный актор

Высокий уровень эмоциональности внешней политики многих стран как феномен международной жизни всё чаще привлекает внимание исследователей. Влияние эмоций на политику не является новостью, новым является нередко показная демонстрация эмоций политиками и апелляция к эмоциям для обоснования внешнеполитических решений и действий. Выбор Европейского союза (ЕС) как примера «эмоционального актора» вызван тем, что эмоции ярко выражены в официальной риторике ЕС в отношении России и в отношениях между ЕС и США. Влияние эмоций на внешнюю политику ЕС активно изучают зарубежные исследователи, что позволяет сделать обзор академических публикаций.

Исследователи обсуждают, можно ли считать ЕС «эмоциональным актором», либо внешняя политика ЕС по-прежнему опирается на стандарты дипломатического поведения и проявление эмоций регулируется нормами профессиональной этики и прагматизмом. *Целью статьи является анализ того, какие именно направления внешней политики ЕС исследователи рассматривают через призму эмоций, какие методы и теории они используют и как оценивают влияние эмоций на внешнюю политику ЕС.* Эти вопросы интересны для исследователей и важны для практиков, т. к. выявляют закономерности принятия политических решений в международных отношениях. Эти вопросы актуальны для российской аудитории, учитывая состояние прямого политического конфликта между ЕС и Россией.

Особенность эмоций заключается в том, что человек может не только испытывать эмоции, связанные с его собственным состоянием, но и эмоции, вызванные состоянием других людей. Значение имеют способы выражения эмоций, которые формируются в определённом социальном и культурном контексте. Связь эмоций и социального поведения исследовал американский социолог Чарльз Кули в начале XX в., в частности таких эмоций, как гнев и враждебность (Кули 2000). Страх и чувство небезопасности были в центре внимания британского математика Льюиса Ричардсона, который опубликовал «Математическую психологию войны» в 1919 г. Ричардсон рассматривал такие эмоции, как страх, боль, соперничество, напряжение, желание реванша, чувство вины, жалость к врагу. Учёный пытался выработать формулу гонки вооружений как реакции на чувство небезопасности и выявить связь между «готовностью к войне» и «подготовкой к войне» (*vigour-to-war to the warlike activity*), то есть связь между чувством и действием (Richardson 1919). Работы Ричардсона

способствовали осознанию дилеммы безопасности в международных отношениях¹.

«Аффективный поворот» произошёл в социальных науках в 1950-х гг. с особым вниманием к таким эмоциям, как страх, гнев, чувство принадлежности, поведение людей в ответ на травму. Работы американского социолога Ирвина Гоффмана внесли значительный вклад в изучение практики повседневности и связи между индивидуальным поведением и социальным фреймингом этого поведения (Гоффман 2004). Политическая психология анализирует коллективные эмоции, формируемые и изменчивые, что помогает понять природу групповой мобилизации, коллективного поведения и идентичности, особенно в этнополитических конфликтах (см., например, Солдатова 1998; Hutchison 2010). Важное исследование, посвящённое связи между культурой и эмоциями, принадлежит российскому ученому А.Л. Зорину. Предваряя своё исследование русской эмоциональной культуры конца XVII – начала XIX вв., Андрей Леонидович сделал ёмкий обзор изучения эмоций и выделил ключевые концепции, наработанные исследователями: эмоциональные стандарты, эмоциональные сообщества, эмоциональные режимы и эмотивы. Эти концепции отражают стремление исследователей зафиксировать когнитивную компоненту эмоционального опыта и корреляции между «биологическими константами и культурными переменными», «соотнесение эмоций с интересами, целями и ценностями чувствующего индивида» (Зорин 2016: 13–19).

Исследование эмоций в международных отношениях стало особенно популярным в 2010-е гг.² (см., например, Åhäll & Gregory 2015; Ariffin, Coicaud, Popovski 2016; *Emotions in the politics...* 2019; Koschut 2020). Проблема эмотивов и эмоций в международных отношениях отражена в пока немногочисленных работах российских исследователей (Аванская 2018; 2019; 2023; Коцур 2021; Матяшова 2023). Внимание к эмоциям в политике отражает преодоление противопоставления эмоций и рациональности, рост влияния эмоций на мировую политику и институционализацию эмоций.

В фокусе данного исследования находятся не сами эмоции и оценка их влияния на внешнюю политику ЕС, а анализ исследований на эту тему и сопоставление выводов этих исследований с результатами массовых опросов общественного мнения в странах ЕС. Массовые опросы общественного мнения более ста лет являются инструментом замера настроений и отношений в разных странах

¹ Дилемма безопасности отражает наличие связи между страхом и чувством небезопасности и поддержкой политическими элитами и населением роста военных расходов и подготовку к войне. Подготовка к войне в ответ на чувство небезопасности может порождать ответную реакцию в той стране, в отношении которой опасения существуют. В итоге разгоняется спираль гонки вооружений, основанная на взаимных страхах противников, что не создаёт чувство безопасности, а только усиливает страх войны.

² См., например, *The Palgrave Handbook of Global Political Psychology*. 2014. Eds. Paul Nesbitt-Larking, Catarina Kinnvall, Tereza Capelos, Henk Dekker. Palgrave Macmillan London. 475 p. DOI: 10.1007/978-1-137-29118-9;

мира, при этом всё чаще звучит критика опросов как достоверного источника информации об обществе. Это сопоставление имеет практическую ценность для аналитики и прогнозирования, т. к. помогает оценить валидность опросов для внешней политики и ответить на вопрос: *могут ли коллективные эмоции быть предиктором внешнеполитических решений?*

В начале статьи будет сделан обзор публикаций, посвящённых изучению эмоций во внешней политике Европейского союза, затем будут сопоставлены общественные настроения в странах ЕС и внешнеполитические решения, принятые на уровне ЕС в 2022–2025 гг. по поводу наиболее эмоционально обсуждаемых проблем. В заключении будут сделаны выводы о ценности исследований влияния эмоций на внешнюю политику ЕС.

Европейский союз как «эмоциональный актор» (что и как изучают)

Первая четверть XXI в. продемонстрировала возвращение силовой политики и активное использование военной силы США, что вступило в явное противоречие с позиционированием ЕС как актора, который стремится действовать посредством убеждения и положительного примера. Британский политолог Ян Маннерс концептуализировал эту особенность внешней политики ЕС в понятии «нормативной силы Европы» или способности «оказывать влияние на восприятие нормальности» (Manners 2002: 240). Эта манифестированная позиция ЕС нередко вызывала насмешки и уничижительные комментарии со стороны американских политиков и политологов. Примером такого отношения является книга американского политолога Роберта Кейгана «О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке», опубликованная в 2003 г. и переведённая на русский язык. В книге отразились серьёзные разногласия трансатлантических партнёров по поводу начала войны в Ираке и был сформулирован тезис о том, что США и Европа представляют собой оппозиции в видении мирового порядка, где слабая в военном отношении Европа была ассоциирована с Венерой, а сильные США – с Марсом (Кейган 2004: 7–8).

В этом гороскопическом противопоставлении была представлена главная причина различий, которая, по мнению Кейгана, определяет возможности и ограничения внешней политики ЕС и США и их влияние на мировой порядок. В книге много рассуждений об истоках такого поведения Европы, включая ссылки на психологическую зависимость Европы от США в вопросах безопасности. Кейган писал, что европейские страны находятся в плену двух страхов – гегемонии США и опасности новой войны в Европе. Любопытным является рассуждение Кейгана о том, что в Европе США часто ассоциируют с ковбоем, хотя более точная ассоциация была бы с шерифом, а ЕС – с хозяином салуна и их отношений с бандитами. Развивая сравнение, Кейган писал, что шериф стремится ликвидировать бандитов и борется с ними, в то время как

хозяин салуна больше заинтересован не в борьбе с бандитами для обеспечения порядка, а в получении выручки, в том числе от бандитов (Кейган 2004: 38–39). В книге артикулирован тезис о том, что ЕС не смог выполнить главное обещание, которое помогло бы ему стать независимым от США в вопросах безопасности, а именно создать силовую составляющую Союза. Именно отсутствие «жёсткой силы», по мнению Кейгана, объясняет апелляции ЕС к морали, международному праву, международным институтам и осуждению силовой политики США. Многие положения этой книги созвучны сегодняшним дискуссиям между США и ЕС по поводу мировых проблем и отражаются в исследованиях эмоций в политике ЕС (см., например, Blanc 2024).

Исследования роли эмоций во внешней политике ЕС обращены к нескольким проблемам: геноцид (Gürkan 2021; Smith 2024), безопасность (Palm 2021), вооружённые конфликты и кризисы (Gürkan 2024), миграционная политика (Özer & Kaçar Aşcı 2021), европейская идентичность (Terzi 2021; Tonra 2021; Manners 2018), климатическая политика ЕС (Terzi 2024) и политика санкций (Novotna 2024). Тема геноцида отражает память о Холокосте, которая важна для Европейского союза как политического объединения. Европейская идентичность или принадлежность к Европе характеризует единство Союза, что важно для решения о расширении ЕС и его кризисе, связанным с Брекзитом. Вооружённые конфликты вызывают страх и чувство небезопасности и требуют формирования единой политики ЕС. Проблема беженцев обсуждается через призму прав человека, солидарности и реакции ЕС на гуманитарные кризисы. Массовая миграция усиливает страх и чувство небезопасности, что активно используют правые и популистские партии. В официальной идеологии ЕС европейская интеграция рассматривается как успешный ответ на эти «уроки истории» (Ассман 2022). Однако все эти проблемы вызывают споры в европейских странах и на уровне институтов ЕС с разной степенью вовлечённости населения, политических партий и элит.

Фокусом исследований являются институты ЕС, где обсуждают эти проблемы, принимают решения и формируют политику ЕС. Исследователи выявляют и анализируют эмоции и эмоциональный отклик на определённую проблему, по которой должно быть принято решение на уровне ЕС, а также политические процессы в отдельных странах ЕС, где происходит мобилизация и рост озабоченности какой-то проблемой, что приводит к включению данной проблемы в общеевропейскую повестку. Исследователи обсуждают, насколько действия ЕС соответствуют его самопрезентации как «нормативного актора» и последовательного защитника норм и ценностей; как эмоции связаны с внешнеполитическими действиями ЕС; кто и как формирует эмоции; какие эмоции являются триггерами действий, и когда действие отсутствует даже при ярко выраженной эмоциональности (Terzi, Palm & Gürkan 2021; Gürkan & Terzi 2024).

Методы исследования включают дискурс-анализ, количественный и качественный контент-анализ. Эмпирической основой исследований являются

дебаты в Европейском парламенте, официальные заявления Европейского совета, Европейской комиссии, Совета по международным делам (Council of Foreign Affairs), выступления и заявления официальных лиц ЕС, дискуссии в национальных парламентах, выступления и заявления политических лидеров стран ЕС, программы политических партий и результаты опросов общественного мнения. Комбинация этих разных по охвату и представительству данных об эмоциях и настроениях позволяет исследователям делать выводы о тенденциях политического развития отдельных стран и о возможных политических решениях на уровне ЕС. Эмоции выявляются и анализируются для понимания общественных отношений и поведения в соответствии с социальными нормами, ценностями и культурными особенностями изучаемых обществ. Исследователи роли эмоций во внешней политике ЕС указывают на отличие между *нормами, регулирующими проявление эмоций* (emotion norms), и *эмоциональными нормами* (emotional norms), которые требуют проявление эмоций в связи с нарушением норм, что является триггером эмоционального отклика и действия (Terzi, Palm, Gürkan 2021; Manners 2021).

Активное участие в обсуждении роли эмоций во внешней политике ЕС принимает Ян Маннерс, автор концепции «нормативной силы Европы» (Manners 2021; 2024). Маннерс развивает центральный тезис о связи эмоций с нормами и формированием норм как регулятора поведения и чувствования на уровне ЕС. Седа Гюркан (Gürkan 2021) и Симон Косшут (Koschut 2024) используют концепцию «эмоциональных сообществ», которые формируются в ответ на травмирующее событие в прошлом (например, геноцид армян или холокост) или в настоящем (реакция ЕС на начало Специальной военной операции (СВО) Россией).

Как показывают исследования, социальная реакция «горевания» может вырабатываться в обществе и становится частью официальной политики десятилетия спустя после травмирующего события. Память о холокосте и его место в политике памяти ЕС вызывает разногласия между странами Западной и Восточной Европы, которые присоединились к ЕС в 2000-е гг. (Aleksiun, Wóycicka and Utz 2023). Исследователи рассматривают реакцию институтов ЕС и процесс выработки политики через призму европейской идентичности и усиления единства Союза в условиях внешних вызовов (Juncos, Lovato, Pomorska 2024). Формирование «эмоциональных сообществ» отслеживают по дебатам в Европейском парламенте и то, как такое обсуждение способствует выработке общеевропейской политики (Gürkan 2021). Изучается процесс «передачи чувств» и эмоций с национального на наднациональный уровень, что необходимо для принятия решений институтами ЕС. Хайди Маэур и Мариана Ловато на материалах обсуждений и решений Европейского совета предлагают модель «эмоционального заражения» (emotional contagion), которое происходит среди группы дипломатов ЕС «как постепенный и добровольный процесс», что приводит к формированию схожего эмоционального отклика и к пониманию

необходимости не только чувствования, но и конкретного действия (Maurer, Lovato 2024).

Таким образом, фокусом исследований является изучение связи между нормами и эмоциями или *эмоциональные нормы*, которые формируются и должны вызывать реакцию и одобрение действий в случае нарушения норм. По сути, исследование эмоций во внешней политике ЕС направлено на изучение процесса закрепления норм на общеевропейском уровне и формирования соответствующей эмоциональной реакции на нарушение норм, что необходимо для легитимации политики ЕС и соответствует понятию институционализации норм и эмоциональных норм. Можно говорить о том, что институты ЕС стремятся создать *общеевропейское эмоциональное сообщество* или *эмоциональный режим* с единообразной (согласованной) трактовкой норм, их приоритетности, эмоционального отклика на нарушение норм и последующей деятельной политикой. Именно такое общеевропейское эмоциональное сообщество может обеспечивать консенсус, необходимый для выработки единой внешней политики ЕС.

Коллективные эмоции и внешняя политика ЕС: страхи, нормы, солидарность

Обсудим, как соотносятся результаты исследований влияния эмоций на формирование и реализацию внешней политики ЕС с общественными настроениями в странах ЕС на примере нескольких недавних вооружённых конфликтов, которые эмоционально обсуждались: конфликт в Нагорном Карабахе (2020–2023 гг.), Специальная военная операция России (СВО), 2022–2025 гг., и операция Израиля в секторе Газа (2023–2025 гг.). В отношении этих конфликтов ЕС стремился сформировать консолидированную позицию, опираясь на три основные эмоции: страх, вызываемый опасностью войны или другой сопряжённой угрозой безопасности или благополучию; реагирование на нарушение норм, то есть проявление эмоций в ответ на нарушаемую норму (*эмоциональные нормы*), и чувство *солидарности*, то есть необходимости действия для оказания помощи.

Статьи, посвящённые реакции ЕС на начало СВО, выявляют несколько эмоций, включая страх, гнев, симпатию, солидарность и гордость. При этом чувство страха может оказывать «парализующее действие» на институты ЕС, а может способствовать принятию решений (Gürkan 2024; David 2024). Исследователи отмечают страх и чувство небезопасности в риторике официальных лиц ЕС и в опросах общественного мнения, и существующие различия в эмоциях и в поддержке решений ЕС разными странами Союза.

Сравним выводы исследователей и результаты опросов общественного мнения. Самое большое внимание политиков ЕС и жителей Союза вызывает вооружённый конфликт между Украиной и Россией. При этом опросы

показывают разброс мнений по поводу того, чего именно боятся жители разных стран ЕС, какие действия Евросоюза в отношении России и Украины они поддерживают, а в отношении каких действий такого согласия нет. В 2022 г. опросы показывали наибольший уровень страха перед «возможностью распространения войны на территорию своей страны» в Эстонии, Латвии, Литве и Польше, и его минимальное проявление в Нидерландах, Люксембурге, Дании и Бельгии. Высокий уровень страха «эскалации и большой войны» в Европе был отмечен в Швеции, Дании и Финляндии, и гораздо в меньшей степени в Румынии, Италии, Греции, Болгарии и Эстонии. Экономические последствия конфликта больше волновали жителей Португалии, Австрии, Польши, Бельгии, Франции, Люксембурга, Мальты, Кипра, Греции, Италии, Испании и в меньшей степени население Швеции, Дании, Литвы и Латвии. Санкционную политику ЕС против России одобряло большинство населения Португалии, Дании, Швеции, Польши, Ирландии, Финляндии и Нидерландов. На Кипре санкции одобряло меньшинство, в Болгарии, Словакии и Греции – общественное мнение было разделено. Максин Дэвид, цитируя выступление в Европейском парламенте депутата от Литвы Андриуса Кубилиуса, пишет что политика ЕС в отношении России «потерялась на перекрестке страхов»: большой войны в Европе и возможность применения ядерного оружия; перенапряжения ресурсов ЕС и его неспособности решать внутренние проблемы; изменения природы (идентичности) ЕС с мирного проекта на военно-политический; возможной победы России (David 2024).

Данные опросов «Евробарометра» весны 2025 г. показывают, что в иерархии беспокойств для собственной страны на первом месте у большинства европейцев находились экономические вопросы, рост цен и инфляция (31%), экономическая ситуация (20%), затем следовала обеспокоенность вопросами безопасности и обороны (15%), миграцией (14%), международной ситуацией (14%). Приоритетность проблем для общеевропейской политики в опросах представлена в следующей иерархии: война на Украине (27%), международная ситуация (24%), проблемы безопасности и обороны (20%), иммиграция (18%), экономическая ситуация (17%) и рост цен и инфляция (16%)³. Эта иерархия «наиболее важных проблем, с которыми сталкивается ваша страна» к ноябрю 2025 г. практически не изменилась, о чём свидетельствует опрос, опубликованный в конце января 2026 г.⁴. Это означает, что в 2022–2025 гг. для большинства жителей ЕС первоочередное значение имели экономические проблемы своей страны и собственное благополучие вне зависимости от природы таких угроз.

³ Public Opinion in the European Union. 2025. *Standard Eurobarometer 103*. May 2025. P. 35. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3372> (accessed 13.02.2026)

⁴ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 29–31. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

При этом опросы показывают высокий уровень беспокойности в ответах на прямой вопрос о том, чувствуют ли респонденты «угрозу безопасности», исходящую со стороны России для собственной страны (73%) и для ЕС (77%), хотя в ответах есть страновые различия. Угрозы собственной стране минимально оценили респонденты на Кипре (24% против 72%), разделение по этому вопросу явно присутствует в Болгарии (47% против 46%). Максимальный уровень чувства небезопасности сохраняется в Дании (85%), Литве (83%), Польше (85%), Португалии (88%), Финляндии (89%), Швеции (87%)⁵. Угроза безопасности ЕС со стороны России была оценена высоко во всех названных странах, а также в Ирландии (89%), ФРГ (82%), Испании (81%), Мальте (83%), Нидерландах (81%), Словакии (81%)⁶. Среди двух наибольших страхов осенью 2025 г. были названы «активные конфликты и войны рядом с ЕС» (почти 90%) и терроризм (86%)⁷. Как следствие, отмечен рост общественной поддержки общей внешней политики ЕС (72%), общей оборонной политики и политики безопасности ЕС (79%), увеличения военных расходов на уровне ЕС (65%) и усиления сотрудничества в области обороны между странами ЕС (80%)⁸.

Важное значение в риторике ЕС имеет *солидарность* в ответ на гуманитарные кризисы, сопровождающие вооружённые конфликты. Солидарность как проактивная эмоция требует не только риторического выражения сочувствия, но и готовности оказывать реальную помощь (*carry costs*) (Weiss 2025). Иерархия деятельной солидарности в отношении Украины не изменилась с 2022 г. и выражена следующим образом в опросах общественного мнения в 2025 г.: оказание помощи беженцам (81%), финансовая и гуманитарная помощь (77%), санкционная политика против России (73%), предоставление статуса кандидата на вхождение в ЕС (59%), покупка и поставка вооружений (57%)⁹. Это означает, что население стран ЕС одобряет разные виды гуманитарной помощи и соглашается на продолжение режима санкций против России. При этом вопросы вступления Украины в ЕС и военной помощи вызывают разногласия, и одобрение по этим вопросам незначительно, но сокращается.

Исследования санкционной политики ЕС показывают, что одобрение санкций в большей степени зависит от отношения населения страны к Европейскому союзу и его институтам, чем от направленности санкций. На примере Польши исследователи приходят к выводу, страна с преобладанием еврооптимистов

⁵ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 195. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

⁶ Ibid. P. 194.

⁷ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3632> (accessed 13.02.2026)

⁸ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 102–103, 198–199. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

⁹ Public Opinion in the European Union Autumn 2025. 2025. *Standard Eurobarometer 104*. Data annex. P. 185–193. October – November 2025. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3378> (accessed 13.02.2026)

будет одобрять санкции даже против собственной страны, а страна с преобладанием евроскептиков скорее негативно оценивает политику санкций (Pospieszna, Onderco, van der Veer 2023). Эта логика подтверждается опросами общественного мнения в сопоставлении общественных отношений к институтам ЕС и политике санкций против России. Так, негативное отношение к институтам ЕС коррелирует с низким уровнем одобрения политики санкций в отношении России на Кипре, в Греции и Болгарии¹⁰. Изучение роли эмоций в политике санкций ЕС в отношениях с КНДР и КНР показывает другую динамику и отражает дипломатию эмоций с разным эффектом на принятие решений и последующие отношения между ЕС и КНР и КНДР. Можно только отчасти согласиться с выводом Терезы Новотна о том, что политика ЕС определяется нормами и принципами защиты прав человека (Novotna 2024) и не имеет ярко выраженных иных экономических и политических соображений.

Другой военный конфликт, который вызвал массовые выступления во многих странах Европы, однако не привёл к такому же уровню санкций и осуждения на уровне ЕС, — это военная операция Израиля в секторе Газа. Массовые протесты против военных действий Израиля связаны с широким освещением хода военных действий, катастрофическим положением гражданского населения и агитационной работой палестинцев, живущих в странах Европы, которые используют понятие «геноцид» для характеристики действий Израиля. Массовый эмоциональный отклик европейцев вызывается не только ходом военных действий, но и их освещением в средствах массовой информации и широкой агитацией в социальных медиа. Однако такое явное формирование «эмоционального сообщества» снизу не всегда приводит к формированию согласованной политики ЕС. Как отмечают исследователи, официальные лица ЕС очень осторожно используют понятие «геноцид» (Smith 2024). Массовые пропалестинские выступления в странах Европы привели к признанию Государства Палестина одиннадцатью странами ЕС, пересмотру отношений с Израилем и выделением значительной гуманитарной помощи Палестине¹¹. ЕС приветствовал выдачу ордеров на арест Международным уголовным судом для некоторых официальных лиц России и Израиля, что является скорее символическим жестом, чем реальной возможностью.

Силовое завершение конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха в 2020–2023 гг. не вызвало эмоций и выступлений в большинстве стран ЕС или жёсткой реакции со стороны ЕС. Стремительный исход почти 100 тыс. этнических армян с территории Нагорного Карабаха в сентябре 2023 г. ограничено освещался в европейских медиа и поч-

¹⁰ *Standard Eurobarometer 103, 104. 2025.*

¹¹ Palestine. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. *European Commission*. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/where/middle-east-and-northern-africa/palestine_en (accessed 13.02.2026)

ти не комментировался официальными лицами ЕС, хотя ЕС выделил 12 млн евро на гуманитарную помощь для армянских беженцев¹². Стоит напомнить, что резолюцию с осуждением геноцида армян Европейский парламент принял в 2015 г.¹³. В аналитическом докладе для Европейского парламента была отмечена эта двойственность позиции ЕС и прямо указана прагматическая причина такой нечувствительности европейских институтов в отношении «гуманитарной катастрофы» сентября 2023 г. – зависимость ЕС от поставок энергоресурсов из Азербайджана в условиях санкций в отношении России, которые ввёл ЕС после начала СВО. В докладе прямо говорится, что такая новая зависимость оказывает влияние на роль ЕС как беспристрастного и ценностно-ориентированного посредника по поводу Нагорного Карабаха¹⁴. Сравнение политики ЕС и Турции в отношении беженцев из Сирии также отражает это напряжение между заявляемыми ЕС ценностями и нормами и необходимостью решать проблему безопасности своих внешних границ (Ermihan, Akgül Açıkmеше 2024).

Выводы: трансформация ЕС от эмоционального к геополитическому актору

Изучение влияния эмоций на внешнюю политику ЕС позволяет сделать несколько выводов. Исследователи изучают не собственно эмоции, а нормы и ожидаемые эмоциональные отклики в ответ на нарушение нормы. Как подтверждают исследования, представления о нарушении нормы зависит от того, что является «нормой» или конвенцией по поводу того, что есть правильно или неправильно. Представление о нарушении нормы конструируется и формируется через освещение (или игнорирование) определённых событий и их интерпретацию. Демонстрация эмоций ЕС соответствует таксономии, предложенной Тодом Халлом в монографии «Эмоциональная дипломатия». Дипломатия гнева выражается в дискурсе возмущения и служит для конструирования отношений к конкретным проблемам как недопустимым нарушениям в межгосударственных отношениях. Дипломатия симпатии предполагает проявление солидарности для «укрепления существующих связей» с жертвой. Дипломатия вины представляет собой осознание ответственности за нарушения норм

¹² Armenia and Azerbaijan. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. *European Commission*. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/where/europe/armenia-and-azerbaijan_en (accessed 13.02.2026)

¹³ P8_TA(2015)0094 Armenian genocide 100th anniversary. European Parliament resolution of 15 April 2015 on the centenary of the Armenian Genocide (2015/2590(RSP)) *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0094_EN.html (accessed 13.02.2026)

¹⁴ McGarty, S., Crosson D.M. 2023. The EU's Preventive Diplomacy: Practice Makes (not yet) Perfect? 2024. *European Parliament*. Policy Department, Directorate-General for External Policies. November 2023. PE 754.441. P. 26. URL: <https://www.europarl.europa.eu/committees/en/the-eu-s-preventive-diplomacy-practice-m/product-details/20240131CAN72627> (accessed 13.02.2026)

в международных отношениях (Hall 2015). Стоит обратить внимание на концепцию «паразитической солидарности», которую предложил Элиас Вайс, целью которой является удовлетворение интересов выразителя возмущения, а не стороны, которая нуждается в помощи и поддержке (Weiss 2025).

Можно говорить о том, что эмоции играют важную роль в формировании норм на уровне ЕС, интерпретации их содержания и обязательности выполнения. Политика ЕС направлена на закрепление норм и их эмоциональной составляющей и предполагает необходимость эмоционального реагирования в ответ на нарушение нормы. В политике ЕС явно существуют процедуры наказания и поощрения за следование нормам внутри Союза, в отношении стран – кандидатов на вступление в ЕС и третьих стран. Институализация эмоций на уровне ЕС требует согласия между странами-членами по поводу норм, нарушение которых должно вызывать реакцию всего Союза. По сути, речь идёт о формировании *наднационального эмоционального сообщества* или *эмоционального режима* с конституированием единообразного понимания норм, их важности и необходимости коллективного действия в случае нарушения. Для институтов ЕС важно, чтобы нормы принимались и единообразно понимались во всех 27 странах в соответствии с установками на наднациональном уровне.

Однако, как показывают исследования такое единое понимание норм и необходимости реагирования на их нарушение пока не существует. Исследователи выделяют наличие иерархии норм и ограничений на согласованные действия, что подтверждается результатами опросов общественного мнения. Национальные элиты и институты ЕС должны учитывать, что представляется приоритетным – предупреждение геноцида и помощь жертвам вооружённых конфликтов или благополучие и безопасность жителей ЕС, которые готовы (или не готовы) поддерживать общеевропейскую внешнюю политику и принимать стоимость политики солидарности.

ЕС продолжает позиционировать себя как нормативного политического актора, для которого существенными являются либеральные ценности, выраженные в нормах международного права, международных институтов и защиты прав человека. Однако реальности международной и внутренней политической ситуации всё более движут ЕС по пути от *нормативного и эмоционального актора к геополитическому актору*, который вынужден ситуационно реагировать на нарушение норм и усиливать силовую составляющую Союза. Резкое изменение политики США в вопросах гарантий безопасности в Европе при президенте Д. Трампе является дополнительным фактором давления на внешнюю политику и политику безопасности ЕС. Это разворачивает обсуждение роли эмоциональных норм во внешней политике ЕС к проблеме изменения идентичности ЕС – от мирного проекта к военно-политическому союзу.

Политика страха и чувство небезопасности оказывают влияние на формирование общеевропейского консенсуса на национальном и наднациональном уровнях в ЕС о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов

и поддержки силовой составляющей европейской интеграции. Активное обсуждение отхода от принципа консенсуса при формировании внешней политики ЕС подтверждает стремление институтов ЕС механически преодолеть существующие разногласия внутри Союза. Это означает продолжение политики разноскоростной интеграции ЕС и формирование соответствующего *эмоционального режима* в ограниченном формате. При этом стоит помнить о том, что такой *эмоциональный режим* будет способствовать давлению на те страны ЕС, которые не демонстрируют ожидаемых эмоций и не присоединились к большинству. Мониторинг результатов опросов общественного мнения в странах ЕС помогает прогнозировать возможность изменения политики ЕС в соответствии с коллективными настроениями и отношениями населения разных стран, которые европейские политики должны учитывать.

Об авторе:

Лариса Валериевна Дериглазова – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11–3. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор благодарит М.В. Харкевича за обсуждение ранней версии статьи и указание на важные публикации, которые не были учтены ранее автором.

Received: February 2, 2026

Accepted: April 15, 2026

UDC: 327:061.1EU:159.9

Emotions in EU Foreign Policy

 L.V. Deriglazova

[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-7-23](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-7-23)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines how emotions are conceptualized and mobilized in the foreign policy of the European Union. Starting from the affective turn in the social sciences, the author reviews scholarship that treats the EU as both a normative actor and a potential “emotional actor.” The focus is not emotions as individual states, but emotional norms: socially expected affective responses to violations of political, legal, or moral norms. The article asks which areas

of EU foreign policy have been studied through this lens, what methods and theories researchers use, and whether collective emotions can anticipate EU decisions.

The analysis covers studies of genocide recognition, security, armed conflicts, migration, European identity, climate policy, and sanctions, and compares their conclusions with opinion surveys in EU member states in 2022–2025. Special attention is paid to the Russia-Ukraine conflict, Israel's military operation in Gaza, and the Armenia-Azerbaijan conflict over Nagorno-Karabakh. The article shows that EU institutions seek to create a supranational emotional community, or emotional regime, in which member states share a common understanding of norms, their violation, and the need for collective action.

The findings are ambivalent. In the case of Ukraine, fear, insecurity, anger, sympathy, and solidarity have helped legitimize sanctions, humanitarian assistance, support for refugees, and stronger defense cooperation, although public support varies across countries and declines when the costs of solidarity increase, especially regarding arms deliveries and EU accession. The Gaza case demonstrates that bottom-up emotional mobilization does not necessarily produce an equally coherent EU response. The Nagorno-Karabakh case reveals weaker emotional resonance and highlights pragmatic constraints, including energy dependence and geopolitical interests.

The article concludes that emotions matter because they participate in the construction, interpretation, hierarchy, and enforcement of norms. Yet the EU lacks a unified emotional regime: collective reactions remain uneven and politically selective. Fear and insecurity increasingly push the Union from the identity of a peaceful normative project toward that of a geopolitical actor with a military component. Monitoring public opinion is therefore useful for predicting shifts in EU foreign policy, but only when national differences, norm hierarchies, and the costs of solidarity are taken into account.

Keywords: emotional norms, emotional regime, supranational emotional community, European Union, normative power, foreign policy, normative actor

About the author:

Larisa V. Deriglazova – Doctor of Sciences in History, Professor, senior research fellow at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009, 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Author is grateful to Maxim Kharkevich for discussion of the earlier version of the article and indication of important publications that were not considered.

References:

Åhäll L., Gregory T. (Eds.). 2015. *Emotions, Politics and War* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9781315765068

Aleksiun N., Z. Wóycicka, R. Utz. 2023. *The Rescue Turn and the Politics of Holocaust Memory*. Detroit: Wayne University Press.

Ariffin Y., Coicaud J.-M., Popovski V. (Eds.). 2016. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. Cambridge University Press.

Blanc E. 2024. Crisis in EU-US Relations under Trump: An Emotional Contemptuous Double Game of Misrecognition. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 685–705. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360154

David M. 2024. Russia's War on Ukraine: Unbottled Emotions and the Conditioning of the EU's Russia policy. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 661–684. DOI: 10.1080/07036337.2024.2363613

Emotions in EU Foreign Policy. Special Issue. 2021. *Global Affairs*. 7(2).

Emotions in the Politics of Security and Diplomacy. Special Issue. 2019. *Political Psychology*. 40(6). P. 1199–1200. DOI: 10.1111/pops.12521;

Ermihan E., Akgül Açıkmeşe S. 2024. Emotions and Norms in the Syrian Refugee Crisis: The Comparative Responses of the EU and Turkey. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 751–773. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359586

Gürkan S. 2021. Emotions in Parliamentary Diplomacy: Debating the Armenian Genocide in the European Parliament. *Global Affairs*. 7(2). P. 103–122. DOI: 10.1080/23340460.2021.1921604

Gürkan S. 2024. Constructing an 'Emotional Community' in 'Times of Crisis: the EU's Response to Russia's Invasion of Ukraine in 2022. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 635–659. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360703;

Gürkan S., Terzi Ö. 2024. Emotions in EU Foreign Policy – When and How do They Matter? *Journal of European Integration*. 46(5). P. 575–596. DOI: 10.1080/07036337.2024.2360697

Hall T. 2015. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*, Cornell University Press.

Hutchison E. 2010. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. 1(24). P.65–86.

Juncos A., M. Lovato, K. Pomorska. 2024. Coordinative Europeanization and Russia's War of Aggression: How Crises Shape Europeanization Dynamics in EU Foreign Policy. *Contemporary European Politics*. DOI: 10.1057/s41295-024-00390-8.

Koschut S. (Ed.). 2020. *The Power of Emotions in World Politics* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780429331220;

Koschut S. 2024. Feeling European? The EU as an emotional community. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 597–613. DOI: 10.1080/07036337.2024.2358883

Manners I. 2018. Political Psychology of European Integration: The (Re)production of Identity and Difference in the Brexit Debate. *Political Psychology*. 39(6). P. 1213–1232. DOI: 10.1111/pops.12545.

Manners I. 2021. Political Psychology of Emotion(al) Norms in European Union Foreign Policy. *Global Affairs*. 7(2). P. 193–205. DOI: 10.1080/23340460.2021.1972819

Manners I. 2024. Political Psychology of Emotions in European Union Foreign Policy in Times of Ontological (In)Security and Crisis. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 817–837. DOI: 10.1080/07036337.2024.2345608

Maurer H., Lovato M. 2024. Group Emotions and Their Role in EU Foreign Policy: a Social Relational Model on How Emotions Travel between EU Member States. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 795–815. DOI: 10.1080/07036337.2024.2363378

Novotna T. 2024. Emotions and Sanctions in EU – China and EU – North Korea Policies. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 707–727. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359587

Özer Y., Kaçar Aşçı F. 2021. Instrumentalization of Emotions and Emotion Norms: Migration Issue in European Right-Wing Populist Discourse. *Global Affairs*. 7(2). P. 173–192. DOI: 10.1080/23340460.2021.1944261;

Palm T. 2021. An Emotional Security Community under Pressure? Emotional Discursive (De)Legitimation in EU External Border Control. *Global Affairs*. 7(2). P. 123–138. DOI: 10.1080/23340460.2021.1954048

Popovski V. Eds. 2016. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. Cambridge University Press.

Pospieszna P., Onderco M., van der Veer R. 2023. Comparing Public Attitudes towards Internal and External EU Sanctions: the Role of Populism, Trust and Euroscepticism. *East European Politics*. 40(2). P. 345–366. DOI: 10.1080/21599165.2023.2289089

Richardson L.F. 1919. *Mathematical Psychology of War*. Oxford: Wm Hunt.

Smith K. E. 2024. Avoiding an Emotions-Action Gap? The EU and Genocide Designations. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 615–634. DOI: 10.1080/07036337.2024.2358871

Stearns Peter N., Carol Z. Stearns. 1985. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. 90(4). P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841.

Terzi Ö. 2021. Norms of Belonging: Emotion Discourse as a Factor in Determining Future “Europeans.” *Global Affairs*. 7(2). P. 139–155. DOI: 10.1080/23340460.2021.1927794;

Terzi Ö. 2024. Emotional Politics of Norm Hierarchy in EU’s External Relations: the Case of Climate Crisis and the EU’s Arctic Policy. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 729–749. DOI:10.1080/07036337.2024.2359590

Terzi Ö., Palm T., Gürkan S. 2021. Introduction: Emotion(al) Norms in EU Foreign Policy. *Global Affairs*. 7(2). P. 93–102. DOI: 10.1080/23340460.2021.1953394;

The Role of Emotions in EU Foreign Policy. Special Issue. 2024. *Journal of European Integration*. 46(5).

Tonra B. 2021. Emotion Norms: Ireland, Brexit, backstops and protocols. *Global Affairs*. 7(2). P. 157–171. DOI: 10.1080/23340460.2021.1931399;

Völkel J.C. 2024. European Diplomats in the MENA Region: a Two-Sided Sense of Disillusionment. *Journal of European Integration*. 46(5). P. 775–794. DOI: 10.1080/07036337.2024.2359583.

Weiss E. 2025. Parasitical Solidarity. A Conceptual Framework for Analysing the Misappropriation of Solidarity. *Annual review for the sciences of the democracies*. 1(1). P. 1–26. DOI: 10.5117/demo2025.1.003.wei

Zotova D.A., Lanko D.A., Parfenyonok N.L. 2024. Evropejskaya solidarnost' i raznoskorostnaya integraciya: rezul'taty laboratornogo eksperimenta [European Solidarity and Differentiated Integration: Results of Laboratory Experiment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. 40(2). P. 212–232. DOI: 10.21638/spbu05.2024.204 (In Russian)

Assman A. 2022. *Evropejskaya mechta. Pereizobretenie nacii* [European Dream: Reinvention of Nations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. (In Russian)

Avanskaya V.A. 2018. Metodologiya izucheniya emocij v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Methodology of Emotion Studies in International Relations]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3(13). P. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60 (In Russian)

Avanskaya V.A. 2019. Istorija holodnoj vojny kak istoriya emocij: na primere gonki yadernyh vooruzhenij [History of Cold War as a History of Emotions: a Case of Nuclear Arms Race]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*. №4. P. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22 (In Russian)

Avanskaya V.A. 2023. Karibskij krizis v emocional'nyh reprezentacijah amerikancev (na primere pisem amerikanskih grazhdan N.S. Hrushchevu) [Caribbean Crisis in Emotional Representations of Americans (on Example of Letters by American Citizens to N.S. Hrushchev)]. *Rossiya i sovremennyyj mir*. 2(119). P. 41–52. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.03 (In Russian)

Gofman I. 2004. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 752 p. (In Russian)

Kocur G.V. 2021. Emocii i mezhdunarodnye otnosheniya [Emotions and International Relations]. *Mezhdunarodnye processy*. 3(66). P. 43–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.2 (In Russian)

Matyashova D.O. 2023. Mezhdru rezhimom i soobshchestvom: funkcii emotivov v kommunikacijah Indijskogo nacional'nogo kongressa s elektoratom i storonnnikami [Between Regime and Community: Functions of Emotives in Communications of Indian National Congress with Electorate and Supporters]. *Russkaya politologiya*. 2(27). P. 33–40. (In Russian)

Soldatova G.U. 1998. *Psikhologiya mezhetniceskoy napryazhenosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow: Smysl. 389 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аванская В.А. 2019. История Холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. №4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22.

Аванская В.А. 2023. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущёву). *Россия и современный мир*. 2(119). С. 41–52. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.03.

Аванская В.А. 2018. Методология изучения эмоций в международных отношениях. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 3(13). С. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60.

Ассман А. 2022. *Европейская мечта. Переизобретение нации*. Москва: Новое литературное обозрение. 512 с.

Гофман И. 2004. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН. 752 с.

Зотова Д.А., Ланко Д.А., Парфенёнок Н.Л. 2024. Европейская солидарность и разноразностная интеграция: результаты лабораторного эксперимента. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 40(2). С. 212–232. DOI: 10.21638/spbu05.2024.204

Коцур Г.В. 2021. Эмоции и международные отношения. *Международные процессы*. 3(66). С. 43–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.2.

Матяшова Д.О. 2023. Между режимом и сообществом: функции эмотивов в коммуникациях Индийского национального конгресса с электоратом и сторонниками. *Русская политология*. 2(27). С. 33–40.

Солдатова Г.У. 1998. *Психология межэтнической напряженности*. М.: Смысл. 389 с.